

Заключительное слово первого от лица «обоих» высказывает благодарность Елизавете за посещение школы.

Диалог, как и приложенные к нему в рукописях вирши — одинаково троицкие и новгородские — по своей теме тесно примыкают к церковной панегирической литературе времени царствования Елизаветы Петровны. Основной мотив тех многочисленных проповедей, которые высшие иерархи приносили в большом количестве, особенно в первые годы после переворота, доказывая его законность, это — параллель между Елизаветой Петровной и ее отцом, изображение ее деятельности, как прямого продолжения петровских реформ. Со времени объявления наследником Петра Федоровича к этой теме присоединяется аналогичная, в применении к наследнику: будущего Петра III прославляют именно как внука Петра I, как его достойного преемника. В этом отношении среди других проповедников особенно выделяется своим неумеренно хвалебным тоном учитель Петра Федоровича Симон Тодорский, который, совершенно не считаясь с действительностью, уже наследником изображает его «не великим телом, но великим делом, внуку Петра Великого весьма приличным»;¹ ср. в диалоге: «в самом цвете в юном лете зрела умом суца». Так писали панегиристы о наследнике, которому тогда не было еще 16 лет. Эти проповеди были, с одной стороны, выполнением тех обязанностей, которые в XVIII в. возлагались на духовенство — насаждать верноподданнические чувства, для чего с особенной пышностью было предписано совершать богослужения в царские дни, с другой — они были ответом на возвращение некоторых привилегий, отнятых у высшего духовенства в предыдущее царствование, особенно при Бироне. Синод получил обратно в свое ведение церковные земли, вернулись из ссылки часть пострадавших при Анне Иоанновне, сокращены права иноверцев. Оттого так не скупилась на похвалы Елизавете Петровне ее придворные проповедники, а за ними и другие «князья церкви». К тому же именно в первые годы для Елизаветы Петровны такая панегирическая проповедь была необходима, как оправдание совершенного ее именем переворота.

Значительная часть этих проповедей печаталась и могла таким образом стать известной далеко за пределами того узкого круга слушателей, перед которым она произносилась. Официальная точка зрения на царствование Елизаветы, как на продолжение правления Петра I, была усвоена и многочисленными панегириками, какими встречали императрицу во время ее посещений городов, монастырей, школ. И эти праздники со всеми произнесенными на них хвалебными речами, стихами становились известными благодаря печатным их описаниям (см., напр., цитированное выше описание торжества в Троицкой лавре 1744 г., дважды изданное; затем в киево-печерской типографии «трегубым диалектом» изданные «рифмы» Михаила Козачинского, произнесенные в августе 1744 г. во время пребывания в Киеве Елизаветы и наследника с женой, и другие издания). Повторяя придворных проповедников, учитель Троицкой семинарии Федор Ляшевецкий в феврале

¹ Н. Попов. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны. Лет. русск. лит. и древн., т. II, 1859, стр. 29 и др.